

Интересные люди: кто они?

На фотовыставке про одесских кошек и собак он был со своей давней знакомой, которую я тоже знала. Мы одновременно вышли на улицу и решили прогуляться по городу. Оказавшись возле дома моего знакомого художника, поднялись по узенькой деревянной лестнице в квартиру-мастерскую, чтобы продолжить разговор. Оттуда протянулась ниточка к этому интервью. Оно было готово к печати в марте 2004 года, но...

В 2005 пришлось чуть-чуть изменить врез и уточнить кое-какие детали, чтобы не отстать от жизни. Другой правки не вносилось.

— **Вопрос первый: интересные люди, кто они?**

— Их не так много в природе. Или мне не слишком часто везло. Так или иначе, если говорить об интеллектуалах, то выделяю Миру Кесаду (в именительном падеже — Миру Кесада). Он перуанец, доктор философии и математических наук, логик, один из создателей "философии освобождения", был профессором Национального университета Лимы, президентом Перуанского философского общества, членом Королевской испанской лингвистической академии, членом Руководящего комитета Международной федерации философских обществ и т. д. Вряд ли сейчас жив. Много воды утекло...

Он пришел в редакцию журнала "Латинская Америка", где я вел тогда отдел социально-политических проблем. Я знал, кто он. И чтобы не влезать в очень уж специальные вопросы, спросил: "Что такое философия? Что такое наука? Что такое искусство, этика? Как они связаны между собой?". И получил интересные ответы. Вот небольшой фрагмент из того интервью: "...не будучи наукой, философия находится с ней в очень сложных отношениях. У них общее начало. С какого-то момента человек начинает рационально решать стоящие перед ним проблемы... Из этого подхода рождается философия. Но вот тот, кто опирается на разум в познании мира, добивается успеха, находит метод, позволяющий быстро продвигаться вперед, — рождается наука... Но когда тот же самый научный метод подводит к проблемам, которые с его помощью не могут быть решены, тогда... возвращается философия. Поэтому немного в шутку, немного всерьез, не знаю, больше в шутку или больше всерьез, я скажу так: наука — это философия, которая одержала победу; философия — это наука, которая потерпела поражение".

Мне и сегодня это определение науки и философии нравится. А кроме

того, материал был опубликован в те времена, когда философия марксизма-ленинизма все еще была "непобедима" именно потому, что опиралась на "работающий" научный метод, была абсолютной наукой. "Философские тетради" были наукой. А иностранец, в конце концов, мог сказать все, что ему вздумается...

Из наших выделяю троих: Владимира Орлова, Александра Меня и Мераба Мамардашвили.

Владимир Орлов — автор романа "Альтист Данилов". Этот роман сделал его известным как писателя. Но я знал его как человека, интересовавшегося латиноамериканской литературой. И когда понял, как должна выглядеть по стилю книга, готовившаяся к 500-летию открытия Америки, и потребовался кто-то, кто смог бы написать в нее свой раздел "по-писательски", лучшей кандидатуры, чем Орлов, мне просто и в голову не могло прийти.

Имеется в виду книга "Три каравеллы на горизонте", изданная в "Международных отношениях" в 1991 году. Я обдумал ее как целиком свою. Но не хватало времени, и пришлось предложить издательству выпустить сборник. План книги при этом утвердили. Каждому из авторов предлагалась определенная тема. И с людьми нужно было разговаривать, чтобы избежать повторов. Такой разговор был и с Орловым. Позже только он показал мне свой заход — несколько страниц, написанных от руки. Это — профессионально. Ты — составитель, редактор. Вот и смотри. Если все так — пойдём дальше. А если нет, можно и по-другому, но в таком случае скажи: чего не хватает, что не так?

Все было так и о том. В сданном материале ничего нельзя было поправить — так плотно слова были пригнаны друг к другу...

Бесцельно включив телевизор, я открыл для себя Мераба Константиновича Мамардашвили. Несколько слов, сказанных им как-то не по-философски просто, и оппонент, выглядевший на телеэкране вроде бы убедительно и по-философски глубокомысленно, вдруг оказывался в необычной для себя ситуации, лишенным возможности опереться на заготовленный заранее ответ. Вся убедительность мгновенно испарялась. А Мамардашвили готовыми ответами не пользовался, легко извлекая их из контекста.

Просмотрев несколько старых книг, я обнаружил, что читал его. Кое-кто из моих знакомых слушал его лекции о Декарте, а кто-то даже работал с ним раньше. Но это было раньше. А в 1989 году он бывал в Москве наездами. Так что нужна была командировка в Тбилиси...

Меня впустили в его квартиру на проспекте Чавчавадзе около 11 часов

утра, за несколько минут до назначенного времени. Хозяин отсутствовал. Поэтому я видел, как он вошел с улицы — в шерстяном сером пуловере и клетчатой рубашке, в обуви, удобной не только для прогулок, но и для игры в теннис. Думаю, что он не любил пиджаков. Мы поздоровались. Начали проверять диктофон, не хотевший включаться. Он рассказал мне, что летом болел, а кроме того, ездил на конференцию в США. Показал привезенный оттуда компьютер, на который потратил весь свой гонорар. У меня была тогда всего лишь портативная пишущая машинка. В редакции, в машбюро, стояли две электрические — для двух машинисток. Постепенно разговор перешел на определенную заранее тему — открытие Америки.

Интервью опубликовано. Его можно прочитать. Здесь я хочу сказать о другом. Он заметил, что мне действительно интересно его слушать и что я понимаю, о чем он говорит. И ему тоже стало интересно. И я оказался внутри "платоновского диалога". На целый день. В конце разговора он сказал, что когда-то зарабатывал на жизнь не тем, чем ему на самом деле хотелось заниматься. Но неправильно откладывать главные дела на потом или заниматься ими после работы — специально, чтобы это было не за деньги. Так не получится. По крайней мере, у него не получилось. Сказано это было значительно более красиво...

Он немного ошибся. Я откладывал на будущее не философию, а стихи, поэзию. Но в целом совет, данный в скрытой форме, был правильным. Нужно превращать то, что тебе интересно, в свое основное дело, в профессию. По существу ошибки не было. Особенно, если Хайдеггер прав, утверждая, что мышление — это и есть поэзия. Случай, когда уместно процитировать Хайдеггера дословно: "...язык хранит изначальную сущность поэзии". Поэтому порядок слов в распечатке диктофонной записи был оставлен без каких-либо изменений. Хотелось сохранить интонацию, естественную "невылизанность" речи. И мне кажется, что голос Мамардашвили пробивается сквозь печатный текст и немного "шуршит" — как на пленке. И я слышу, как он чиркает спичкой и раскуривает трубку...

Когда он, провожая меня, открыл дверь на лестницу, нельзя было разглядеть даже самой верхней ступеньки. За дверью стояла по-южному черная поздняя ночь...

С Менем было по-другому. В редакции, а точнее, прямо на входной двери, повесили объявление: Вечер памяти Н. Бердяева, состоится там-то и тогда-то. Ведет Александр Мень.

Это был первый вечер, посвященный Бердяеву, анонсированный в Москве при советской власти после его высылки. Состоялся он в нояб-

ре 1988 года. Очень может быть, что в ЦДЛ. По крайней мере, вспоминается помещение, похожее на большой зал Центрального Дома литераторов. А сам Мень тогда был очень похож на свою фотографию с плакатов, сопровождавших его выступления позже. Имидж потом не менялся: черная ряса, на груди тяжелый серебряный крест, седые вьющиеся волосы, довольно длинные и жесткие, образующие самую настоящую гриву... Сгусток энергии.

Он хорошо чувствовал аудиторию и, чтобы остаться понятным всем, почти не коснулся философии Бердяева. Тем не менее, несложно было угадать, что человек на сцене — крупный. Он только выбирался из подполья. Я видел его впервые. И все же в перерыве подошел к нему и предложил написать эссе о Лас Касасе для "Трех каравелл", сказав примерно следующее: Вы — миссионер. Напишите о миссионере XVI века — о Лас Касасе. Перед испанцами и автохтонными цивилизациями — индейцами — после открытия Америки встала проблема интеграции в мир, в неожиданно увеличившийся мир. Перед нами стоит сейчас та же задача — интеграции в мир. Напишите об этом.

Слова "интеграция в мир" оказались паролем. Но... через полгода текст еще не был готов. Он прислал открытку к Рождеству и подтвердил в ней свое намерение написать статью. Мы были в контакте. И... топтались на месте.

Поэтому я решил встретиться с ним в одном из московских клубов. Спрашивать дорогу не пришлось. От метро пошел туда же, куда и все. Мень стал необычно популярен. Его наперебой начали публиковать гораздо более тиражные издания, чем журнал "Латинская Америка". И все же еще через полгода мне из рук в руки передали обещанный материал.

К тому времени к людям в рясах и с крестами на груди привыкли.

Александр Мень был частью оппозиции тоталитарному режиму. Мог стать философом, но стал теологом, протоиереем, таким образом (даже формально, внешне), резко подчеркнув свою оппозиционность. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, останься он жив. Его-то интересовал не обряд. Возможно, что в России появилась бы современная христианско-демократическая партия...

Не раскрыто убийство. Но его творчество открыто всем. Есть в нем и небольшое эссе о Лас Касасе — доминиканце, поставившем вопрос о праве индейцев на права человека в Средние века.

Сегодня, в условиях шабаша приклатенной массовой культуры, почти невозможно выжить таланту. Утверждающим, что так было и есть всегда и повсюду, я бы ответил: верно, если речь идет о постсоветском гео-

политическом пространстве. Здесь считается, что "можно раскрутить каждого". Принцип логичный, поскольку он связан с генезисом всей этой "географии".

Однако... приведу пример, свидетельствующий о том, что так дело обстоит не всюду. Разумеется, хорошо там, где нас нет, и Афродита небесная может соседствовать (и с начала времен соседствует) с Афродитой пошлой. Тем не менее, когда мегазвезда российского шоу-бизнеса, научившаяся работать локтями и когтями еще в СССР, решила поучаствовать в конкурсе эстрадной песни на Интервидении, ей вежливо поаплодировали (за смелость?), однако с Пиаф не перепутали. Внутри же она до сих пор остается "солнцем", возглавляя "фабрику звезд". Вдумайтесь: фабрику... Не так давно на том же конкурсе (по-моему, он ежегодный) уверенно провалилась очередная российская претендентка. И это обнадеживает.

Но вот еще один пример на ту же тему. Это пример наоборот. В августе 2002 года, переведя ровно половину книги Октавио Паса ("Двойное пламя"), я вынужденно остановился. Издательство готово было выпустить его эссеистику лишь при условии, что мексиканцы возьмут на себя расходы на краску, смазку, бумагу и т. д. Сейчас перевод все-таки издан. А книга, мягко говоря, не раскупается. Симптоматично, что в одном из центральных московских магазинов ее поставили в отдел научно-популярной медицинской литературы. Видимо, прочитав в подзаголовке слова "секс, эротика и любовь", решили, что ее место рядом со справочником по контрацепции. Речь о книге, переведенной на все основные языки мира. Русский оказался последним. Пас написал ее, после того как получил Нобелевскую премию. Логично предположить, что если бы он родился "здесь и сейчас" и попробовал издать свой самый первый сборник эссеистики, то с ним и разговаривать бы никто не стал. Следовательно, и Нобелевской премии у него не было бы.

Редактор (не главный) газеты "Коммерсант" сказал: "Сейчас не модно быть интеллигентом, модно быть интеллектуалом". Если эту фразу расшифровать, получится следующее: "Сейчас не модно быть интеллигентом, модно быть обслуживающим персоналом с высшим образованием". Отсюда следует, что люди, о которых я вам рассказываю, "вышли из моды". Как интеллектуалы они, конечно, состоялись, добившись в профессиональном отношении максимально возможного. Но, кроме того, каждый из них — личность, интеллигент до мозга костей. Вот что говорит Миру Кесада: "С этикой проще. Я думаю, что интеллигент — тот, кто занимается наукой, философией, заключает договор с самим собой и с обществом. Опирается на разум, посвятить себя поиску рационального решения проблем — то же самое,

что стремиться к истине, к правде. А тот, кто стремится к правде, должен избличать ложь, говорить правду. Это иногда нелегко. Иногда чревато неприятностями, опасно... Но нужно иметь мужество и необходимо проявить его настолько, насколько его достаёт".

Мамардашвили имеет в виду то же самое, напоминая, что человек рождается вторым рождением: сначала рождается животное, а лишь потом — человек. Твое рождение (человеческое) — это твоё собственное деяние! А родившись, ты должен быть подобным луку с натянутой тетивой. Ведь только напряжённый лук посылает стрелу. Стрелу истины.

Здесь я переадресую вам вопрос Мераба Мамардашвили из интервью с ним, которое, по сути, начал пересказывать: "Как посолить соль, если она несоленая?". Вопрос старый и всегда новый... Я не знаю на него полного ответа. Но мне точно известно, что когда Елена Дунская поёт, кристаллики соли возникают. Речь об эстетике трудного. Это та соль, без которой нет человеческого измерения. Речь о символически обозначенном. О ценностях. Их нельзя "пощупать" и материализовать. Слишком хрупко и нематериально. Но уберите этот срез абсолютного или лишь потенциально возможного, и (как гениально просто сказал Мераб Константинович) реальный мир расплющится, станет плоским, мертвым... Иногда мир именно таким и кажется. К счастью, это всего лишь кажимость, потому что "воздушные замки", обозначаемые такими категориями, как "свобода" или "моральная ответственность", — тоже реальность.

Я вспомнил случаи, когда отношения с людьми складывались удивительно легко. Но так происходит не всегда...

— Вопрос второй: Бывает, что сначала человек что-то напишет или скажет, а потом событие случается. У вас были такого рода случаи мистики — чудесных совпадений или угадываний?

— Осенью 1989 года, то есть задолго до "Беловежской пуши", участвуя в "круглом столе", за которым обсуждались возможные модели развития и в этой связи возможности тоталитаризма, авторитаризма и демократии, я сказал буквально следующее: "...в связи с вопросом "легко ли стать Европой" хочу спросить: не реальнее ли выглядит превращение СССР в Латинскую Америку? В регион из пятнадцати де-факто не зависимых от Москвы республик, но с "латиноамериканской" зависимостью от Запада, со своими Перу, Аргентиной, Сальвадором, где демократию то и дело приходится подпирать авторитаризмом. Но сначала-то нужна демократия...". Цитату можно проверить — "Латинская Америка", 1990, № 2, с. 57.

Не уверены, что здесь присутствует мистика? Тем не менее, угадывание состоялось. А вопрос можно чуть-чуть повернуть. Угадывание состоялось благодаря интуиции, чудесному качеству сознания, которое само по себе — чудо. Это чудо, в свою очередь, связано с другим — с жизнью. Я имею в виду не поэтическую метафору. Посмотрите, что говорит ученый, физик, астрофизик и биолог — нобелевский лауреат 1903 года — о происхождении жизни, о том, как она возникла на Земле. Он считает, что облака бактерий, как бы взвесь, состоящую из спор, занесло на Землю из космоса. Споры осели на Землю, оказались в благоприятной среде, а дальше начался естественно-эволюционный процесс.

Фамилия этого ученого — Аррениус. Он высказал свою гипотезу на заре прошлого века. Он не знал, что даже споры микроорганизмов, оказавшись в открытом космосе, были бы убиты жестким космическим излучением. Но другой нобелевский лауреат, наш современник (Френсис Крик, открывший двойную спираль ДНК), знал о космосе больше. И в результате предложил еще более фантастическую теорию, поместив бактерии в оболочку, неуязвимую для метеоритных дождей и космических лучей. Такой оболочкой мог быть космический корабль. Гипотеза покажется вам еще более невероятной, если вспомнить, что она замешана на этике: корабль на Землю отправила гибнущая цивилизация, чтобы спасти не себя, а саму жизнь.

На эти сюжеты написан не один десяток киносценариев. Отснятые фильмы мы смотрим как развлекательный жанр — фантастику. Но ведь выдающиеся ученые не ставили перед собой цели прославиться в качестве фантастов. Наоборот, они стремились объяснить происхождение жизни на Земле так, чтобы их объяснения как можно меньше напоминали фантастику, чудеса и мистику.

Я не против такого рода мистики. Я против ее вульгаризации, против современных мифов и невежества. Что такое в чистом виде рациональный метод познания, если радио чувствует?

Вернемся к нашим конкретным жизням. Скорее всего, вы знаете Евгения Голубовского. В 1976 году он опубликовал в "Вечерней Одессе" (в моем переводе) подборку стихотворений одного чилийского поэта. Это была не первая моя публикация. Но она была для меня первой, явно связанной с литературой. А через 25 лет он же первым опубликовал в вашем альманахе отклик на мой сборник стихов*. Если учесть, что я лично с Голубовским не знаком и 25 лет в Одессе не был, то чисто рациональным спо-

* См.: Галина Маркелова. Заглянув в "Окно". Дерibasовская — Ришельевская, 2001, № 7.

собом объяснить такую последовательность событий трудно. Можно, конечно, сказать, что случай всегда выглядит как чудо...

Раз уж мы говорим о чудесах и мистике, то нужно сказать и о судьбе. Ведь впервые я приехал в Одессу не по своей воле. Призвали после университета в армию. Армией оказалось бюро переводов в военном училище для иностранцев на четвертой станции Фонтана. Здание, кстати, сохранилось. Оно сложено из красного кирпича. Думаю, сохранились и двуглавые орлы — барельеф из того же кирпича, что и вся кладка, — пережившие серп и молот под карнизом.

Не стерлись и самые первые впечатления от вашего города. Удивило отсутствие курортности, столичность фасадов. Я историк по образованию, и поэтому, когда посмотрел и вспомнил, кем и зачем была основана Одесса, понял, в чем дело, — Южный Петербург.

Внешний облик вовсе не обманчив. Он всегда что-то выражает. За одесскими фасадами скрывается онтология. В чем ее особенность? Вам видней. Вы здесь живете. Но если попытаться в названиях одесских улиц увековечить память всех писателей, оставивших на них следы, то очень может быть, что улиц не хватит. Согласитесь, случай тоже интересный, имеющий отношение к теме нашего разговора.

Осталось представить моего собеседника: Алексей Гришин. В прошлом году в его переводе вышло большое литературное эссе Октавио Паса ("Двойное пламя") о любви, сексе и эротизме, охватывающее всю историю человечества — от начала времен "до живой повседневности". Совсем недавно выпустил обновленный сборник своих стихов (Окно. М.: Дон Кихот, 2005). Сейчас заканчивает перевод романа Клаудиу Агиара — бразильского писателя, ранее на русском языке никогда не издававшегося, и готовит к печати книгу эссе. О более далеких планах предпочитает не говорить. Но может быть, это и хорошо? Как только они исполнятся, мы снова его проинтервьюируем.

P. S. Роман Клаудиу Агиара только что вышел в свет в издательстве "Вагриус". Стихи из сборника "Окно" появились на литературном канале интернет-библиотеки "КМ онлайн", а также на сайте "Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...". Сайт начал превращаться в "бумажную" антологию-восьмитомник. Работа над книгой эссе продолжается.

